

REVIEWS * ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

КСЕНОФОНТ САДУКОВ (Йошкар-Ола)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ ФИННО-УГРОВЕДОВ ТЕНДЕНЦИИ И ЗНАЧЕНИЕ

Abstract. The article discusses the significance of international Finno-Ugric congresses and certain tendencies of their development.

Keywords: Finno-Ugric, Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum.

Финно-угроведение как научное направление — комплексное изучение финно-угорских народов, их языков, культуры, истории — зародилось в конце XVIII века преимущественно как филологическая дисциплина, с самого начала связанная с этнографией (в широком понимании, включая и фольклористику). Сердцевиной этого направления стало учение о языковом родстве, общем происхождении, историко-культурных связях родственных народов.

К концу XIX века финно-угроведение сложилось как междисциплинарное научное направление, обрело системный, комплексный характер, расширились его функции. Исследователь истории финно-угроведения Г. Стипа отмечал, что тогда произошел переход этой отрасли знания от научного романтизма к позитивизму (Stipa 1990).

На первых этапах изучением родственных народов занимались финские, эстонские и венгерские ученые. К началу XX века относится включение в научные исследования представителей восточнофинских народов, сначала на уровне собирательства, а затем и собственно научных обобщений. Это означало зарождение у финно-угорских народов России национальной интеллигенции, просветительского движения. Его деятели направляли свои усилия не просто на распространение элементарной грамотности среди сородичей, но и на пробуждение у них национального достоинства и самосознания. В этом большое место они отводили научному изучению родных народов. Собираемые языковые, фольклорные, исторические и иные материалы просветители использовали для исторического обоснования своих наций, их места среди других народов, в общем цивилизационном потоке. Даже просто сбор языкового материала имел этноконсолидирующее значение.

Финно-угроведческие (шире — уралистские) исследования были делом энтузиастов, которые много сделали по пропаганде финно-угорского родства.

После Российской революции 1917—1918 годов наступил новый этап в развитии финно-угроведения. В этот период произошло постепенное разъединение сил исследователей. В Финляндии, Эстонии, Венгрии традиционные работы продолжались, но не происходило обновления и обогащения их источниковой базы, относящейся к родственным народам, находящимся под юрисдикцией России (СССР). Финские и эстонские ученые в тот период, несмотря на ограничение, а затем прекращение возможностей непосредственно общаться с восточными финно-угорскими народами, продолжали серьезные исследования и публикации. В частности, Уно Сирелиус обосновал

тогда перспективную мысль о расширении функций финно-угроведения, о том, что родство и общие черты финно-угорских народов надо искать не только по лингвистическим материалам, но и в этнической истории, этнографии, культурно-исторических процессах прошлых веков (Sirelius 1919). В Финляндии образовалось научно-исследовательское учреждение «Suomen suku», его усилиями были изданы обобщающие работы о родственных народах (Suomen suku, Helsinki 1926). Несколько позже подобную работу опубликовал венгерский ученый М. Жираи (Zsirai 1937) и И. Маннинен (Maninen 1932). В Эстонии серьезные исследования вел ученый широкого профиля Юлиус Марк.

В 1920-е годы в СССР финно-угорские исследования по инерции еще продолжались, в некоторых аспектах их фронт даже расширился: в Ленинграде было образовано Общество исследователей культуры финно-угорских народов, на местах, в автономных областях, создавались краеведческие общества, развернувшие широкую плодотворную работу.

Это было время позитивной национальной политики в СССР, что отразилось и на изучении финно-угорских народов. Был востребован интеллектуальный потенциал национальной гуманитарной интеллигенции. Финно-угроведение не ограничивалось кабинетными теоретическими изысканиями, а больше ориентировалось на практику. Особенно плодотворным было участие ученых в национально-языковом строительстве, в становлении литературных языков, печати, национальной литературы, профессионального искусства, в сохранении культурного фонда финно-угорских народов, в обогащении их духовности за счет собственных ресурсов.

С начала 1930-х годов финно-угроведческие исследования в СССР стали преследоваться. Был нанесен серьезный удар по развитию духовного единства родственных народов, наложен запрет даже на само упоминание о родстве восточных финно-угров с финнами, венграми, эстонцами. Например, в докладе Марийского обкома ВКП(б) на областной партийной конференции в 1934 году с возмущением говорилось о «пропаганде финно-угорской общности» как проявлении «буржуазного национализма» и «панфиннизма» в преподавании истории и языка в педагогическом институте: «Увязывается вопрос марийского языка с другими, говорится о родственной связи мари с финнами, венгерцами и т.д. и т.п. Под каким соусом преподносится рассуждение о таких вещах? Мы не можем допустить, чтобы кафедры высшей школы превратить в кафедры пропаганды буржуазных мнений или людей, которые отражают линию контрреволюционных интеллигентов. За это надо спросить строго» (Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 1п, оп. 1, д. 699, л. 260—261).

Репрессии против национальной интеллигенции в финно-угорских автономных областях, ратовавших за возрождение своих народов и за установление тесных связей с другими родственными народами, развернулись уже в начале 30-х годов. К сожалению, приходится констатировать, что в финно-угроведении борьба с «буржуазным национализмом» и шпиономания начались раньше, чем в научных направлениях, связанных с изучением других народов. Если до этого ученые писали о прафинно-угорской общности, о прафинских языках, об общих корнях материальной и духовной культуры, то теперь многие стали отрицать все это. Краеведение было объявлено местным буржуазным национализмом. Усилия языковедов по развитию родных языков за счет собственных внутренних закономерностей и ресурсов осуждались как реакционный пуризм.

Были сфабрикованы «дело федералистов» в Марийской автономной области (1931 год), по которому одним из главных «фигурантов» проходил известный финно-угровед В. М. Васильев (см. К. С а н у к о в, «Финно-угорские федералисты» и «финские шпионы». — Финно-угроведение 1996); «дело СОФИН» в Удмуртии (1932 год), по которому вместе с выдающимся поэтом и ученым Кузубаев Гердом был репрессирован крупный коми лингвист В. И. Лыткин (Куликов 1993).

Репрессии 1930-х годов полностью ликвидировали первое поколение национальной интеллигенции финно-угорских народов, в том числе языковедов, фольклористов,

этнографов, по обвинению в «буржуазном национализме» и «панфинизме» или в «панфинноугризм» именно за то, что они с национальных позиций исследовали фольклор, язык, историю, культуру своих народов, подчеркивали их историчность, самобытность, отмечали финно-угорское родство и необходимость единения и более тесных культурных связей родственных народов.

Финно-угроведение как комплексное научное направление в СССР перестало существовать.

После второй мировой войны в связи с аннексией Эстонии и ее включением в состав СССР, превращением Венгрии в советского сателлита и установлением добрососедских отношений с Финляндией, необходимость в запрете темы о финно-угорском родстве отпала. В конце 1940-х годов в Ленинграде были проведены конференции финно-угроведов, прозвучали призывы возродить это научное направление (Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финно-угорских народов в СССР. — Советская этнография, 1948, № 13; Д. В. Бубрих, О советском финноугроведении. — Советская этнография, 1949, № 12). На Всесоюзные конференции финно-угроведов стали приглашать некоторых зарубежных коллег. Но организационно оформленного финно-угроведения в СССР тогда еще не было.

В послевоенные годы на волне борьбы с «космополитизмом», пропаганды концепции «великого русского народа» и псевдопатриотизма развился русоцентризм в освещении истории, культуры народов и их взаимоотношений. Нерусские народы страны вновь, как и в трудах дореволюционных авторов, стали показываться неполноценными субъектами исторических процессов, вроде бы существовавшими в историческом пространстве и времени только в их взаимосвязи и взаимодействии с русским народом, его культурой, языком. Как исключение можно рассматривать отдельные значительные труды энтузиастов, появившиеся вопреки общей смутной атмосфере, как, например, труд Д. В. Бубриха «Происхождение карельского народа» (Петрозаводск 1947). Вообще, филологи тогда значительное внимание уделяли предыстории и древним этапам истории финно-угров, дополняя лингвистические сведения данными археологии, этнографии, памятников письменности (например, Лыткин 1952).

Потребовалась хрущевская «оттепель», чтобы в Советском Союзе расширились границы гуманитарного образования, произошел переход от спорадических встреч небольших групп ученых до пространственных исследовательских проектов, финно-угроведение получило права гражданства, наладилось научное сотрудничество в международном плане, наступил новый, современный этап его развития. Это тем более необходимо было сделать, так как за рубежом развернули работу новые центры финно-угроведения (Блумингтон, Гамбург и т.д.).

В 1958 году в Хельсинки состоялась конференция исследователей финно-угорских языков, посвященная 75-летию Финно-угорского общества, на которой было принято решение о проведении регулярных (один раз в пять лет) международных научных конференций по финно-угорскому языкознанию. В том же году подобное решение было принято на совещании советских финно-угроведов в Ленинграде.

В 1960 году в Будапеште состоялся первый Международный конгресс финно-угроведов. Он ознаменовал собой начало широкого международного научного движения по всестороннему изучению родственных народов. Крупные научные форумы стали проводиться регулярно с интервалом в пять лет. Их проведено уже десять: после Будапешта — в Хельсинки (1965), Таллинне (1970), снова в Будапеште (1975), в Турку (1980), Сыктывкаре (1985), Дебрецене (1990), Ювяскюля (1995), Тарту (2000), Йошкар-Оле (2005). Параллельно проходили Всесоюзные конференции финно-угроведов (до распада СССР их состоялось 17).

На первых порах и Международные конгрессы, и Всесоюзные конференции финно-угроведов носили односторонне-лингвистическую направленность. Постепенно их тематика стала расширяться за счет привлечения фольклористов, археологов, этнографов, а затем и культурологов, историков, искусствоведов, социологов и т.д. Таким образом, финно-угроведение постепенно расширяло свои функции. Это стало главной

тенденцией современного этапа развития финно-угроведения. Как справедливо отмечается в докладе Петера Домокоша на X Международном конгрессе финно-угроведов, «толкование этого понятия с каждым конгрессом становилось все шире и шире» (Домокош 2005). Мультидисциплинарность естественно вела к междисциплинарным подходам в изучении уральских народов. Большое значение, например, в накоплении материалов для изучения этногенеза, ранней этнической истории и межэтнических контактов имели масштабные археологические работы в финно-угорских регионах, исследования по топонимике. Именно в этих аспектах можно видеть хорошие примеры плодотворных итогов комплексных подходов, междисциплинарных контактов.

Значительно продвинулось изучение этногенеза и ранней этнической истории ряда народов (научные сессии о происхождении мордовского и марийского народов в 1964—1965 гг.). Характерно, что в обоих упомянутых случаях рассматривались не только вопросы происхождения этих конкретных этносов, но в качестве заглавных ставились доклады об этногенезе финно-угорских народов вообще, осуществлялся комплексный подход с участием языковедов (в том числе специализирующихся по топонимике), археологов, этнографов, фольклористов.

Крупным, этапным событием стало появление книги о вопросах этнической истории эстонского народа (*Eesti rahva etnilisest ajaloost*, Tallinn 1956), в которой рассмотрены также многие проблемы, касающиеся и других прибалтийско-финских народов. В частности, принципиально важно было начало отхода от узкого, прямолинейного подхода к проблеме прародин, когда считалось, что предки эстонцев и других родственных соседних народов пришли с востока, в процессе расселения с прародин, с уже готовыми финно-угорскими чертами. На основе углубленного изучения новых археологических материалов и историко-сравнительного рассмотрения древней истории предков прибалтийско-финских и балтских племен стала выдвигаться и обосновываться мысль о местных корнях прибалтийских финнов.

В период зарождения международного сообщества финно-угроведов ощущалось отсутствие своего печатного органа. С 1965 года в Таллинне стал издаваться журнал «Советское финно-угроведение» (основателем и бессменным его главным редактором до самой своей смерти был выдающийся финно-угровед Пауль Аристе). Журнал проделал большую работу по координации исследований и публикации их результатов, получил международное признание. Его издатели изначально руководствовались лингвистической интерпретацией содержания финно-угроведения, что подчеркивалось в первом номере журнала в обращении к читателям: журнал посвящен «исследованию финно-угорских и самодийских языков». Эта направленность в общем и целом выдерживалась все годы.

В 1960—1980-х годах количественно финно-угорские исследования развивались, что отражалось и в программах научных конгрессов и конференций, и в научных публикациях. Важным событием было издание коллективными усилиями ведущих финно-угроведов разных стран «Основ финно-угорского языкознания» (1974—1976). В этот период были написаны и изданы индивидуальные и коллективные монографии о некоторых народах (Н. Ф. Мокшин о мордве, В. В. Пименов о вепсах и удмуртах, К. И. Козлова о марийцах; «Мордва» 1981, «Карелы Карельской АССР» 1983, «Народы Поволжья и Приуралья» 1985 и др.). Для своего времени сам факт обобщения совокупного материала об отдельных народах имел важное значение, несмотря на некоторую уязвимость методологических позиций. В Советском Союзе они были стянуты ограничивающими рамками официальной идеологии. В трудах ученых оправдывалась утрата финно-угорской молодежью родного языка, поощрялся отход от национального менталитета, замалчивались свидетельства об ассимиляционных процессах.

Официальная же пропаганда продолжала утверждать, что до большевистской революции финно-угорские народы России ничего в культурной сфере не имели, однако подспудно по сути зрели оппозиционные научные устремления. У некоторой части филологов росло протестное стремление через призму национального самосознания осмыслить культурно-исторические процессы пройденных этапов в противовес на-

сздавшейся официальной точке зрения. Это, в частности, выразилось в пересмотре возраста письменности, литературы у марийцев и удмуртов. До 1970-х годов восточные финно-угорские языки относили к младописьменным, ставшим литературными только после революции. Марийские и удмуртские ученые, используя факт издания в 1775 году первых грамматик своих языков, провели научные конференции и издали их материалы (200 лет удмуртской письменности, Ижевск 1976; 200 лет марийской письменности, Йошкар-Ола 1977), после чего эти языки стали относить к старописьменным с небольшими литературными традициями.

Одним из первых подобный подход стал успешно развивать венгерский исследователь Петер Домокош (Домокош 1993). Он весьма смело и результативно исследовал историю зарождения и развития литератур малочисленных финно-угорских народов на широком историко-культурном фоне, прежде всего на примере удмуртской литературы, что вызывало тогда в самой Удмуртии недоброжелательное отношение.

С конца 1980-х годов современный этап развития финно-угроведения приобретает новые черты, наступило время переоценки многих ценностей. Это было обусловлено началом национального пробуждения финно-угорских народов. Стали создаваться национально-демократические движения и организации (Общество вепсской культуры, «Коми котыр», «Марий Ушем», «Масторава», «Спасение Югры» и др.). Это естественно оживило внимание к языку, истории и культуре народов. Тревога за будущее побудила обратить более внимательный исследовательский взор на весь исторический путь этносов от их рождения до сегодняшнего состояния, на все стороны и сферы их жизни. Как и в 1920-е годы, финно-угроведы были востребованы для разработки важных этнополитических проблем языкового, культурного, образовательного развития, подготовки законопроектов о государственных языках и национальном образовании в республиках.

В упомянутом докладе на X Международном конгрессе финно-угроведов Петер Домокош для характеристики этого периода применяет термины «стагнация», «спад», «увядание» (Домокош 2005 : 99). Такое ощущение, наверное, связано с болезненностью обновления методологических парадигм. Некоторые аспекты новых веяний уже отразились в работе VII Международного конгресса финно-угроведов в Дебрецене в 1990 году. Новое историческое время «перестройки» в Советском Союзе, уже прошедшая смена общественно-политического строя в Венгрии, успешное продвижение к высвобождению Эстонии из советской империи, освобождение Финляндии от цепких «объятий» восточного соседа накладывали свой зримый отпечаток на постановку многих проблем, на характер научных (перераставших в общественно-политические) дискуссий. А в Ювяскюля в 1995 году сквозь толщу застарелых концепций уже более заметно пробивались ростки свежей научной мысли. Еще в большей степени о новых аспектах в осмыслении проблем этнокультурной жизни финно-угров в широкой исторической ретроспективе и перспективе можно говорить, обращаясь к материалам прошедших в эти годы международных встреч финно-угорских писателей.

В новых условиях обращалось внимание на некоторую лингвистическую односторонность финно-угроведения, хотя на последних международных конгрессах и всесоюзных конференциях ставились также доклады по этнографии и археологии. Общей историко-культурной характеристике народов этой семьи уделялось недостаточно внимания. Да и в лингвистике преобладал сугубо академический подход подробного описания частных характеристик языковых фактов, реликтовых явлений, этимологии, без широкого этнолингвистического анализа жизни и функционирования финно-угорских языков как живых организмов, имеющих будущее. На повестку дня выдвинулось расширение функций финно-угроведения, с освещением социолингвистических, исторических, культурологических аспектов.

В последние полтора десятилетия эти идеи получили развитие на различных международных, всероссийских и региональных встречах ученых, изучающих этногенез, этническую историю, язык, быт, культуру финно-угорских народов. Об этом свидетельствует тематика научных конференций.

В 1991 году в Сыктывкаре проведена научная конференция «Развитие советских финно-угорских народов: история и современность», в Йошкар-Оле — по проблемам этнопедагогике и народной культуры родственных народов; в 1992 году в Сомбатхее — «Пути уральских народов к политической, языковой, культурной автономии», в Таллинне — «Финно-угорские народы и Россия», в 1993 году в Тарту — «Финно-угорские меньшинства в меняющемся мире» и др.

Широкие научные дискуссии по проблемам современного культурно-языкового состояния финно-угров России сопровождали проведенные в последние годы, начиная с 1989, международные встречи писателей, международные фольклорные фестивали родственных народов. Подобные конференции и встречи гуманитарной интеллигенции при самом активном участии ученых отражали главные тенденции и основные направления научных и общественных поисков, которые затем аккумулировались на крупных научных форумах.

Примечательными с этой точки зрения стали и сами встречи финно-угроведов. В связи с «перестройкой» и распадом СССР общие встречи с 1987 года, после 17-й Всесоюзной конференции в Ижевске, не проводились. По инициативе созданного в Йошкар-Оле Научного центра финно-угроведения было решено возобновить такие форумы. Научная конференция, названная Первой Всероссийской, состоялась в ноябре 1994 года в Йошкар-Оле. На ней, в отличие от предыдущих Всесоюзных, шире были представлены археологи, культурологи и впервые была выделена секция истории финно-угорских народов (Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской конференции финно-угроведов, Йошкар-Ола 1995). Эта тенденция была закреплена на Второй Всероссийской конференции финно-угроведов, проведенной в феврале 2000 года в Саранске (Материалы II Всероссийской конференции финно-угроведов. Т. I—II, Саранск 2000), и на третьей конференции в Сыктывкаре в 2004 году (История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III Всероссийской конференции финно-угроведов, Сыктывкар 2005).

По тому же пути пошел и оргкомитет Международного конгресса, состоявшегося в августе 1995 года в финском городе Ювяскюля. Конечно, наиболее широко и разносторонне там по традиции было представлено языкознание. Ведь финно-угорская общность — это прежде всего языковое родство. В то же время конгресс отличался и включением других наук в комплекс финно-угроведения. Об этом можно судить даже по названиям секций: этнология, фольклористика, верования, народная музыка, новое историческое состояние, литература и идентитет, литературные связи и фольклор, теория и интерпретация, археология, антропология. Что касается собственно финно-угорского языкознания, здесь примечателен рост интереса к проблемам социолингвистики, функционирования родных языков, формирования литературных языков.

Однако в науке новые подходы не всегда легко прокладывают себе дорогу. Прежний теоретический багаж не дает большинству российских финно-угроведов успешно двигаться вперед, о чем с большой озабоченностью говорила в 2000 году на IX Международном конгрессе финно-угроведов в Тарту А. И. Кузнецова. Она считает, что финно-угроведческое языкознание развивается «в отрыве от приоритетных направлений лингвистики» (Кузнецова 2000).

В обогащении науки, в преодолении устаревших догм, в утверждении новых подходов и закреплении перспективных тенденций, в обеспечении преемственности научных поколений большая роль принадлежит научной периодике. С 1990 года упомянутый журнал «Советское финно-угроведение» не только естественно снял с обложки определение «советское», но и более точно определил в названии свою суть: «Linguistica Uralica». С новым обретением Эстонией независимости журнал для российских ученых стал зарубежным изданием. А между тем большинство финно-угорских и все самодийские народы живут в России. С учетом этих обстоятельств Научный центр финно-угроведения в Йошкар-Оле в 1994 году начал издавать журнал

«Финно-угроведение», редакция которого в первом же номере известила о своем стремлении придерживаться более широкого, комплексного понимания этой области научного знания по сравнению с традиционно сложившимися представлениями: «общей историко-культурной характеристике народов этой семьи уделяется до сих пор недостаточно внимания» (Сануков 1994).

Таким образом научная общественность на практике реализует тенденцию расширения функций финно-угроведения, имеющего глубокие исторические корни и традиции. Стало очевидным, что в современных условиях, когда на повестку дня всего существования финно-угорского мира (особенно той его части, которая расположена в России) выдвинулись проблемы этнического возрождения и укрепления культурного сотрудничества как гаранта будущего, финно-угроведение должно развиваться в сторону расширения своих функций, чтобы не только отмечать языковые корни родства, но и находить новые аспекты, сближающие наши народы. Как показывает даже простой перечень названий многих научных форумов последних лет, это во многих отношениях уже реализуется на практике. Замеченная еще в 1990 году известным исследователем Г. Стипой тенденция включения культурологических аспектов в финно-угристику становится ведущей в современных условиях. В связи с расширением функций и объекта исследований возник вопрос о будущем финно-угроведения. При этом обнаружилось два подхода. Один исходит от тех, кто одобрительно оценивает новую тенденцию. Другие относятся к этому неодобрительно, беспокоясь, что она приводит к «растворению» финно-угорской лингвистики (т.е. традиционного финно-угроведения) в общем котле гуманитарных исследований. На самом деле основания для такого беспокойства имеются. Оно возникает не только у лингвистов, но и у некоторых других ученых, занимающихся финно-угроведением. Петер Домокош по этому поводу на X Международном конгрессе финно-угроведов в Йошкар-Оле отметил, что в последнее время люди разных специальностей «стали проявлять желание встретиться» под вывеской финно-угорских связей «вне каких-либо сведений о финно-угорских вопросах» (Домокош 2005).

Важным положительным фактором дальнейшего развития финно-угроведения стала возможность широкого международного сотрудничества. Это вызывает в определенных кругах отрицательную реакцию, во многом напоминая 1930-е годы. «Идея финно-язычного единства [---] несостоятельна, хотя и находит поддержку у прозападнически настроенной части интеллигенции финно-угорских народов России», — считают некоторые Санкт-Петербургские ученые («Исследование этнополитической и этнодемографической ситуации на русско-эстонском порубежье (Печорский район Псковской области)». Справка по договору от 21 ноября 1992 года между малым предприятием «УНИЛТЕХ» Санкт-Петербургского университета и администрацией Печорского района). А сотрудник Института этнологии РАН А. Аверин писал: «Мусульманский юг России — не единственное слабое звено федеративной системы страны. Окончательно ослабевший центр побуждает автономии других регионов Российской Федерации к самоопределению и поиску политических ориентиров за ее пределами. Наиболее характерные в этом смысле автономные образования народов финской группы восточной части Европейской зоны России: Мордовия, Марий Эл, Удмуртия, Республика Коми. Выбор их симпатии объективно пал на страны, находящиеся в числе геополитических недоброжелателей России: это Венгрия — член НАТО, Эстония — кандидат в члены НАТО и становящаяся все более претенциозной Финляндия, где отчетливо звучат призывы к созданию великой страны Суоми от Ботнического залива до Енисея» (см. И. А в е р и н, Великая Суоми стремится к Енисею. — «Век», 8—14 октября 1999 года).

Характерно высказывание руководителя службы ФСБ по Республике Марий Эл: «Иностранцы нами интересуются, и достаточно серьезно! Марий Эл очень интересна нашим «коллегам» как минимум по двум вопросам. Первый: коренное население республики представляет финно-угорскую группу. Какая связь? А вам примера Чечни мало? В последние годы мы пресекли целый ряд попыток и финнов, и венгров, и

особенно эстонцев использовать финно-угорские связи в нагнетании обстановки внутри республики, спровоцировать сепаратистские настроения вплоть до отделения республики от России» (из интервью Н. Долгополова, начальника Управления ФСБ РФ по Республике Марий Эл газете «Марийская правда», 5 августа 2000 года).

В таком же духе нагнетать обстановку пытались некоторые средства массовой информации России и Республики Марий Эл накануне X Международного конгресса финно-угроведов.

Но развитие финно-угорского содружества не представляет угрозы — оно служит примером согласия как внутри группы самих родственных народов, так и в их связях с другими народами и странами мира. И стержнем этого содружества является такое уникальное явление, как Международные конгрессы финно-угроведов.

ЛИТЕРАТУРА

- Д о м о к о ш П. 1993, Формирование литератур малых уральских народов, Йошкар-Ола.
— 2005, История и роль международных конгрессов финно-угроведов. — CIFU X, Pars I. Orationes plenariae, Йошкар-Ола, 93—107.
- К у з н е ц о в а А. 2000, Произойдет ли в XXI в. смена парадигмы в изучении уральских языков. — CIFU IX, Pars I, 93—108.
- К у л и к о в К. И. 1993, Дело «СОФИН», Ижевск.
- С а н у к о в К. 1994, Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты (От редактора). — Финно-угроведение, № 1.
- М а н н и н е н, I. 1932, Die finnisch-ugrischen Völker, Leipzig.
- S i r e l i u s, U. 1919, Suomen kansanomaista kulttuura: esineellisen kansatieteen tulok-
sia 1, Helsinki.
- S t i p a, G. J. 1990, Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum
Neopositivismus, Helsinki (MSFOu 206).
- Z s i r a i, M. 1937, Finnugor rokonságunk, Budapest.